Андрей Измайлов

Туманность

*Целенаправленная ложь тоже
создает своих демонов,
искажая все: прошлое, вернее,
представление о нем,
настоящее — в действиях, и
будущее — в результате этих
действий. Ложь — главное
бедствие, разъедающее
человечность, честные
устремления и светлые мечты.*

И. Ефремов "Час Быка"

Много было толков. Древняя и милосердная формула "о мертвых либо хорошо, либо ничего" сработала. Но как и на кого?

Осенью 1972 года не стало Ивана Антоновича Ефремова — писателя, ученого, мечтателя. И его имя обволокла ложь. Ибо молчание вместо правды — это ложь. Ибо толки и слухи — это версии, предположения, но не правда.

Почва для произрастания толков и слухов была обильно унавожена. Например, письмами граждан в самые высокие инстанции после выхода в свет романа "Час Быка"...

"В ЦК КПСС, отдел культуры... от Жучкова Ю.
В. г. Долинск Сахалинской области.

Мера или *Вера*. Личные сомнения читателя о пользе романа И. Ефремова "Час Быка"..." (Далее эти сомнения растягиваются на 86 страниц общей тетрадки). "Завершая письмо, хотелось бы еще раз заострить внимание на тревоге за читающую "Час Быка" молодежь. Может быть, я неправ... но боюсь оказаться правым. Письмо адресовано в ЦК КПСС, а

не в какой-либо журнал или в газету, потому что, если я неправ, И. А. Ефремову воздадут должное критики-профессионалы. Если же в чем-то прав, то не стоит привлекать в этом случае к книге ненужного внимания..."

Письмо такого интеллектуального уровня не единично.

Было и другое — от некоего Москаленко, работавшего заместителем начальника по политико-воспитательной работе в учреждении — далее цифровой индекс и номер такой-то, в колонии, короче.

На подобные «сигналы» в не столь отдаленные времена реагировали однозначно. "Есть мнение": лучше об Иване Антоновиче после его кончины — «ничего». А как насчет того, чтобы о нем говорить «хорошо»? Категорически никак. "Есть мнение"! Вы просто не владеете информацией — там тако-ое! Да еще и обыск у него на квартире! Да еще и...

Какое — «тако-ое»? Какой — обыск? Владетели информации делиться ею не торопились. Ложь взошла, вымахала в рост, заветвилась, распустила цветочки, которые ароматизировали окрест, и уже ягодки завязывались...

Екклезиаст: "Всему свое время, и время всякой вещи под небом:...время насаждать, и время вырывать посаженное..."

1

На первой странице "Часа Быка" автором заявлено:
"Посвящается Т. И. Ефремовой".

Таисия Иосифовна долго не соглашалась на беседу. Нелегко вспоминать. Но нужно, нужно знать, как было и что было. Согласилась. Вот ее рассказ...

В 1970-м году "Час Быка" вышел отдельной книгой в издательстве "Молодая гвардия". И какие-то тучи нависли, предгрозовые. Было ощущение, что вот-вот разразится. Тогдашний директор издательства пришел к Ивану Антоновичу и попросил как-то помочь. Иван Антонович написал письмо Петру Нилычу Демичеву, министру культуры. Он писал, что работает уже много лет, но не знает отношения правительства к его творчеству. Довольно скоро последовал ответ: однажды на машине к нам приехал один из редакторов издательства и сказал, что Ивана Антоновича ждет Демичев, что эту машину за ним прислали из ЦК, что надо вставать и ехать.

А Иван Антонович в то время был уже очень болен и принимал такое лекарство, после которого ему необходимо было лежать. Я и сказала: мы ничего не можем поделать. Он и не поехал, но просил на будущее если присылать машину, то не через издательство, а непосредственно ему и предупредить заранее. Так и получилось позднее — позвонили: за вами вышла машина. Мы поехали. В новое здание ЦК. У ворот Ивана Антоновича пропустили, меня — нет. Я сказала, что буду ждать. Милиционеры предупредили, что здесь стоять нельзя. Ну, а ходить можно? По улице Куйбышева? Можно. Я и ходила. Ходила около двух часов — беседа

была длительная. Милиционеры интересовались, почему я так волнуюсь? Потому что у вас порядки такие, — говорю, — свою же машину только до ворот пропускаете, а не к зданию. А у меня муж сердечник, вот и не знаю, если «неотложка» понадобится, пропустите вы ее или нет.

В конце концов они ко мне сочувственно стали относиться, и когда я ближе подходила, то жестами показывали: нет, мол, не идет еще... Потом вижу — появляется Иван Антонович и уже издали показывает мне большой палец. Значит, все в порядке!

Беседой он остался доволен, никак не ожидал, что Петр Нилыч читал его книги — не так, чтобы референты подготовили список литературы и краткое содержание. Демичев сказал, что облик автора, который представлялся по романам, у него совпал с «оригиналом». Разговор шел и о "Часе Быка". Петр Нилыч говорил, что эту книгу надо издавать миллионными тиражами. Только нужно сделать кое-какие правки, чтобы не было ненужных аналогий: вот у вас на Тормансе правление коллегиальное, Совет Четырех, а надо бы подчеркнуть единовластие Чойо Чагаса. Ну и разные другие поправки...

Это уж не знаю, что кому пригрезилось. Иван Антонович выправил текст, но Совет Четырех так и оставил. После той беседы как-то легче стало, посвободней дышать. И над "Молодой гвардией" тучи рассеялись. А потом... Потом...

В 1972 году произошло что-то такое. Как вакуум вокруг Ивана Антоновича образовался. Это было очень жаркое лето, леса горели. А мы снимали дачу под Москвой у вдовы Александра Евгеньевича Ферсмана,

которого Иван Антонович очень любил. И мы не сразу, но заметили, что как-то так... за нами следят. Опять что-то непонятное нависало.

Чувствовал ли это Иван Антонович? Да. Он оставил мне "Книжечку советов", которую я нашла после его смерти...

"... *Помнить*, что вес письма не экспедиционные, не семейные, фото, записи, адреса — ничего не сохранилось с периода 1923–1953 гг. Я все уничтожил, опасаясь, что в случае моего попадания в сталинскую мясорубку они могут послужить для компрометации моих друзей. По тем же причинам я сам не вел никаких личных дневников...

...Но вот на что обращай самое тщательное внимание, соблюдай самую максимальную осторожность. Одно дело, пока ты со мной — в случае чего тебя не тронут из-за меня, если конечно самого не тронули бы. Оставаясь одна, ты подвергаешься опасности любой провокации и при твоей доверчивости и прямоте можешь пострадать... Может придти сволочь, прикинувшись твоим и моим другом или поклонником, вызвать тебя на откровенный разговор....а потом обвинить тебя в какой-нибудь политической выходке, схватить, а то и засудить. Все это памятуй всегда, не пускай неизвестных людей, а впустив, никогда не говори запальчиво или откровенно с неизвестным человеком. Немало шансов, что это окажется дрянь, подосланная или просто решившая воспользоваться беззащитностью..."

Так что он чувствовал, конечно, что-то.

Мы вернулись с дачи 19 сентября. Гуляли, беседовали. У Ивана Антоновича должен был выходить пятитомник, и он говорил мне, что будет теперь писать популярную книгу о палеонтологии. Хотел отдать дань своей науке, которую обожал, и считал себя прежде всего ученым, а не писателем. Я говорила ему, что надо начинать автобиографию. Иван Антонович уже собирал материалы и о Ленинграде воспоминания свои. Я читала их, они очень были созвучны тому, что пишет об этом городе Вадим Сергеевич Шефнер...

Третьего октября у него были врачи и нашли, что состояние стабильное. Четвертого мы даже прошлись. А в половине пятого утра я вдруг услышала хрип. Вскочила, стала звонить в «скорую», всем. «Скорая» приехала и констатировала, что Ивана Антоновича нет уже... Его похоронили очень быстро, на второй день. Я была в таком состоянии, что не знала, почему это. Народ шел и шел...

(Из письма И. А. Ефремова жене:

"Меня конечно нужно сжечь, а урну, если захочешь, чтобы было место, хорошо бы на Карельском перешейке, на каком-нибудь маленьком кладбище. Это неспешно. Пока урна может стоять сколько угодно. Помогут Дмитревский и Брандис, вообще ленинградцы...")

Урну Ивана Антоновича, как только разрешили, на третий день, я забрала, и она в шкафу тут стояла. А со мной жила сотрудница Ивана Антоновича — Лукьянова Мария Федоровна.

И вот 4 ноября 1972 года, как раз под праздники, был звонок в дверь, пришел домоуправ с водопроводчиком. Проверять отопление. У меня никакого подозрения не было, потому что мы и заявку в свое время подавали. Водопроводчик очень быстро посмотрел и ушел, а домоуправ задерживался. Я подумала, что, как обычно, надо ему денег дать. Пошла за ними, а он уже был у выхода. Я ему еще покричала, чтобы подождал меня. А он открыл дверь, и там стояли уже двое. Я предложила им раздеться и пройти в кабинет. Что-то один из них показал мне. Удостоверение личности? Я не разглядела — Мария Федоровна побежала за очками для меня. Но я еще была в полной уверенности, что пришли из Академии наук по поводу квартиры. У нас дом академический, вот и...

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРОТОКОЛА ОБЫСКА С КРАТКИМИ ПОЯСНЕНИЯМИ Т. И. ЕФРЕМОВОЙ:

"4 ноября, 1972 года.

Присутствовали сотрудники Управления КГБ при Совете министров СССР по городу Москве и Московской области: Хабибулин.... (всего девять мужских и одна женская фамилия. — *А. И.*) с участием понятых... в присутствии Ефремовой Таисии Иосифовны и Лукьяновой Марии Федоровны, временно проживающей с Ефремовой... с соблюдением требований и статей 169, 171, 176, 177 УПК РСФСР на основании постановления оперуполномоченного УКГБ... от 3 ноября 1972 года произвел обыск... Обыск начат в 10.45 (Т. И. Ефремова: "Когда окончен, не написали. Он после полуночи закончился. То есть больше полусуток").

Перед началом обыска Ефремовой Т. И. было предложено выдать указанную в постановлении на обыск идеологически вредную литературу, на что Ефремова заявила, что в ее квартире и у нее идеологически вредной литературы не имеется. Затем был проведен обыск в двух комнатах, в кухне, ванной и подсобных помещениях.

При обыске обнаружено:

...Фотоснимок мальчика во весь рост без головного убора. Одет во френч. В ботинках. Размер фото... На обороте фотокарточки записано: "И. А. Ефремов. Бердянск. 17-й год".

Фотокарточка мужчины с пистолетом в руке, на голове шапка, голова обернута материей. На обороте запись: "23 год". Размер фото... (Т. И. Ефремова: "Это шуточная такая фотография была").

Фотокарточка мужчины. На голове форменная фуражка с кокардой. Во рту трубка. На обороте написано: "25 год".

Ефремова пояснила, что на указанных фотокарточках изображен ее муж, снимки относятся к 17, 23 и 25 году.

...Конверт размером 19X 12 светло-бежевого цвета. На конверте надпись: "...моей жене от И. А. Ефремова". В конверте два рукописных вложения. Первое — на трех листах белой нелинованной бумаги размером 20X 28. На первом листе текст начинается со слов "Милая, бесконечно любимая..."

На третьем листе текст заканчивается записью: "1–7 мая, 66 года. Прощай". Бумага лощеная.

Второе вложение состоит из двойного листа бумаги с текстом, исполненным черным красителем. Текст начинается со слов: "Тебе, моя самая..." Закапчивается словами: "Ласка жизни моей. Волк". (Т. И. Ефремова: "Волк — это я Ивана Антоновича так звала").

... Книга на иностранном языке с суперобложкой, на которой изображена Африка и отпечатано: "Африкан экологие хомон эволюшн" и другие слова... За страницами 8, 20, 48, 112 заложены натуральные сушеные листья деревьев. За 8 и 20 страницами — по одному, за 48 и 112 страницами — по два листа. (Т. И. Ефремова: "Это мы с Иваном Антоновичем в 1954 году еще посадили дома семена гинго, и они у нас выросли. Потом деревья стали погибать, и мы решили отдать их в ботанический сад. Нам даже не поверили, что мы гинго вырастили дома. Это древнее хвойное растение. Вот мы отдали и на память оставили себе последние листочки").

...Оранжевый тюбик с черной головкой с иностранными словами.

Лампа, на цоколе которой имеется текст... (Т. И. Ефремова: "Это смешная лампа. Которая в лифтах. Ивану Антоновичу нужна была какая-нибудь лампа срочно, и лифтер ему дал").

...Письмо рукописное на 12 листах, сколотое скрепкой. Начинается со слов: "Многоуважаемый

Иван Антонович, ваше письмо от 26 февраля..." Оканчивается словами: "...обтираюсь жестким полотенцем".

...Все вышеперечисленное с 1 по 41 номер изъято в рабочем кабинете, в котором работал И. А. Ефремов. Находилось на полках, на столе и в ящиках письменного стола. В холле на полках обнаружено и изъято: машинописный текст автора Гейнрихса под названием "Диалектика XX века". Фрунзе. 63–65 год. На 85 листах. В левом верхнем углу сшит белыми нитками...

...Различные химические препараты в пузырьках и баночках... (Т. И. Ефремова: "Это мои гомеопатические лекарства").

...Трость деревянная, разборная с вмонтированным острым металлическим предметом.

Металлическая палица из цветного металла, в конце ручки петля из тесьмы. Висела на книжном шкафу.

В процессе обыска специалисты использовали металлоискатель и рентген. Изъятые предметы упакованы в семь пакетов и одну картонную коробку. Опечатаны печатью УКГБ. Заявлений и замечаний от лиц, участвовавших в обыске, не поступило".

(Так как это только выдержки из протокола обыска, то опущено подробное перечисление

изъятого с 1 по 41 номер: письма читателей, фотографии друзей на память, квитанции. — А. И.)

...Людей, которые обыск проводили, было много. Потом я посчитала — вместе с домоуправом двенадцать человек. Они между собой почти не говорили, а записками обменивались. Но нужно отдать должное — ставили на место все очень аккуратно. И все как в детективном фильме. Вот стоял букет, и Мария Федоровна хотела поставить его на окно. Сказали, что нельзя. У них было радио, они по нему переговаривались с машиной. Во дворе машина стояла, они ходили туда — я не знаю: отдохнуть, кофе попить. Только следователь, который протокол вел, не выходил никуда. Он пожилой был, валидол глотал изредка. Хабибулин. Ришат Рахманович. Вот последние письма Ивана Антоновича — следователь не разобрал почерка, и я должна была их ему читать. Я еще спросила: "А вам не стыдно?"

За мной и Марией Федоровной очень внимательно ходила эта их женщина. Наверное, для личного обыска, если бы он понадобился. Но все они очень предупредительны были. Еще когда эта женщина только вошла, она искренне удивилась: "Такой большой писатель, и такие низкие потолки у вас, и всего две комнаты!"

Мария Федоровна пыталась кого-то там из них поить чаем — все-таки очень долго это продолжалось.

Во время обыска зашел было ко мне наш давний друг Петр Константинович Чудинов, у него сейчас книга вышла об Иване Антоновиче. И вот когда он сюда позвонил, ему не открыли, хотя он видел свет в наших окнах...

(П. К. Чудинов: "Я проявил настойчивость. Мне потом открыли все-таки и спрашивают: что вам здесь надо? Я, говорю, двадцать лет в этот дом хожу и что мне надо — знаю, а вот вам что здесь надо? Не признались. А я взял и милицию вызвал. Милиционер пришел, сразу стал звонить от соседей в квартиру. А у них телефон спаренный, пришлось спускаться вниз, просить не занимать — у Ефремовой что-то случилось. В общем, весь дом загудел. Милиционера они успокоили, сказав, что здесь угрозыск работает".)

Потом моя сестра приехала, ей не дали войти. Она встала вот тут, в тамбуре, и говорит: "Не уйду, пока вы мне ее не покажете!" Я вышла. Иди, говорю, все в порядке.

Потом было очень смешно и очень страшно, когда потребовали открыть шкаф, где хранилась урна с прахом Ивана Антоновича. Я сказала, что не открою. Я поняла, что они могут урну вскрыть. Я им просто сказала: если вы дотронетесь до нее, я ее разобью. Видимо, по моему состоянию они поняли, что я это сделаю. Хабибулин меня успокоил. Отнесите, говорит, урну в ту комнату, и никто до нее не дотронется. И никто не дотронулся!

Когда они уходили, я спросила, как я друзьям своим смогу объяснить, что здесь происходило. Они ответили: лучше, конечно, если никто не будет знать. Каким же, говорю, образом, если весь дом на ноги подняли?! В общем, ушли они.

Я ничего не забыла. Каждое 4 ноября я стою у окна на кухне и смотрю, не идут ли ко мне...

2

Так это было. Таисия Иосифовна согласилась на нашу с ней беседу: "Расскажу, чтобы не было сплетен. А было так..."

Так это было. Но вот почему *это* было?! Итак, обыск проводили на предмет изъятия "идеологически вредной литературы". Что по тем временам, ныне именуемым застойными, считать таковой?

Например, роман, в котором сказано:

"Земляне обнаружили странную особенность в передачах всепланетных новостей. Их программа настолько отличалась от содержания общей программы передач Земли, что заслуживала особого изучения.

Ничтожное внимание уделялось достижениям науки, показу искусства, исторических находок и открытий, занимавших основное время в земных передачах... Не было всепланетных обсуждений каких-либо перемен в общественном устройстве, усовершенствований или проектов больших построек, организаций крупных исследований. Никто не выдвигал никаких вопросов, ставя их, как на Земле, перед Советами или персонально перед кем-либо из лучших умов человечества".

Или:

"...По закону Стрелы Аримана...

— Что еще за стрела?

— Так мы условно называем тенденцию плохо устроенного общества с морально тяжелой ноосферой умножать зло и горе. Каждое действие, хотя бы внешне гуманное, оборачивается бедствием для отдельных

людей, целых групп и всего человечества. Идея, провозглашающая добро, имеет тенденцию по мере исполнения нести с собой все больше плохого, становится вредоносной...".

Или:

"Я вижу, что у вас ничего не сделано для создания предохранительных систем против лжи и клеветы, а без этого мораль общества неуклонно будет падать, создавая почву для узурпации власти, тирании или фантастического и маниакального "руководства"".

Или:

"Когда человеку нет опоры в обществе, когда его не охраняют, а только угрожают ему, и он не может положиться на закон и справедливость, он созревает для веры в сверхъестественное — последнее его прибежище".

Это все цитаты из "Часа Быка" (издательство "Молодая гвардия". 1970). Роман уже *был издан*. Тиражом 200 000 экземпляров. И хотя книга разошлась мгновенно, ее можно было отыскать вне квартиры автора, без применения металлоискателя и рентгена...

После "Часа Быка" Иван Антонович Ефремов написал только "Таис Афинскую" и собирался взяться за книгу о палеонтологии. Об этом знал он, знала его жена...

Читатель не знал. Читатель никогда не хочет верить, что большой писатель ушел навсегда, и новых книг не будет. Читатель истово надеется: есть еще, есть роман, почти законченный, он в рукописи, но он есть. Читатель всегда хочет верить в лучшее. И долго ходила версия о рукописи И. Ефремова. Легко представить,

сколь эта версия будоражила умы государственных мужей того периода — периода, когда было возможно сослать ученого, выдворить писателя из страны, осудить поэта за тунеядство. Почему бы не провести обыск на квартире фантаста через месяц после его кончины?! Вон чего он нафантазировал в "Часе Быка", а ну как предполагаемая рукопись еще похлеще! Так и сказано (да, повторяюсь): "выдать идеологически вредную литературу". Не нашли? Вот и хорошо. Всем хорошо...

Письма и вещи вернули. Не все. Булаву и трость классифицировали как холодное оружие и не возвратили. Правда, произошло это лишь после настойчивых звонков и настоятельных писем Таисии Иосифовны в Совет Министров А. Н. Косыгину, в прокуратуру по надзору за следствием КГБ, в Московское отделение КГБ. И вернули... И некий работник Комитета сообщил вдове по телефону:

"А знаете, вот машинописная статья "Диалектика XX века", изъятая в вашей квартире, признана антисоветской". Статья, присланная в 1965 году Ивану Антоновичу без обратного адреса, только: г. Фрунзе.

— Так ваши сотрудники за ней приходили? Они ее искали? У меня...

— Дело не в том. Дело в принципе. Ведь нашли!

— Скажите, а при чем тут Ефремов?

— Ну, как при чем! У вас же она найдена!

— А если я возьму какую-нибудь рукопись, которую вы признаете антисоветской, и пришлю без обратного адреса вам домой?

— ...Вас, товарищ Ефремова, мы ни в чем не обвиняем. Вашего мужа тоже, он уже покойник."

Итак, никаких обвинений...

Читатели сразу заметили, что уже объявленная подписка на Собрание сочинений И. Ефремова задерживается. Стали писать в издательские инстанции, спрашивать — почему, что случилось? Получил ли кто-нибудь из них внятный ответ?..

Потом звонил Сергей Жемайтис, редактор из "Молодой гвардии" — издательства: "Таисия Иосифовна, вам столько досталось уже, но это не всё. Приготовьтесь... Собрание сочинений Ивана Антоновича запрещено к выпуску..." (Много позже все-таки удалось добиться согласия коллегии на выход трехтомника.)

В 1974 году в Ленинграде собирается палеонтологическое общество. Два доклада — один об И. Ефреме, второй — о тафономии, науке, основанной Иваном Антоновичем. За день до начала — звонок вдове: доклад об И. Ефреме снят.

Таисия Иосифовна набрала номер офицера КГБ, с которым в процессе последовавших за обыском выяснений-разъяснений у нее сложились уважительные отношения ("Я ему даже "Таис Афинскую" подарила"). Спросила, сообщив о снятии доклада, что произошло после того, как он уверил ее в отсутствии претензий КГБ к Ивану Антоновичу?

Он ответил, вспоминает Таисия Иосифовна: "Поверьте, от нас сейчас ничего не идет, это, вероятно, просто перестраховка ученых".

— Мне от этого не легче. Я сейчас сяду и буду писать. Брежневу.

— А что, правильно! Пишите!

— И я могу сослаться на вас, что Иван Антонович ни в чем не обвиняется?

— Да, можете сослаться...

Осознавала, что до Брежнева письмо вряд ли дойдет, но к беседе в отделе писем ЦК подготовилась — составила обширный список печатных работ, откуда имя И. Ефремова выбрасывалось. Не раз и не два встречала деланное удивление — "Что вы, что вы! Откуда вы взяли, что Иван Антонович под запретом?!" — вот и подготовилась. В отделе писем ЦК сказали, что не готовы с ней беседовать...

Прошло время. Пришло время. Книги великого ученого, писателя, мечтателя изданы, издаются, будут издаваться. Но что же было? Что было тогда, в 1972-м? Когда нет информации, рождаются версии.

3

Т. И. Ефремова вспоминает. "А по Москве вскоре после обыска уже пошли слухи, что Ефремов — это не Ефремов, а английский разведчик, что его подменили в Монголии. Очень много было слухов. Видимо, версия о том, что Иван Антонович — не Иван Антонович, всерьез разрабатывалась КГБ. Я потом встречалась с Хабибулиным, который обыск у нас проводил, — он позвонил мне, и мы говорили долго. У него вопросы были: какие на теле мужа были ранения? Я сказала: ну, какие ранения, после операции грыжи, и под коленкой ему вену пропорол контрабандисты в Средней Азии. Он спрашивал все: от дня рождения до кончины мужа. Я сказала, что не могу всего знать, потому что встретила Ивана Антоновича только в 1950-м году. Еще когда в прокуратуре по надзору за следствием КГБ беседовала, то все спрашивали, сколько лет я мужа знаю. Ну, пуд соли с ним я съела, отвечаю. Но упорно допытывались: а точнее? Хорошо, говорю, двадцать лет. Вам достаточно? Вы что думаете, я откажусь от своего мужа? Да я горжусь им! Мне удивленно так сказали, что здесь нечасто можно такое услышать".

А. Н. Стругацкий. "Прошло года два или три после смерти Ивана Антоновича. Я был в гостях у покойного ныне Дмитрия Александровича Биленкина. Большая компания, хорошие люди. И зашел разговор о нападении Лубянки на квартиру Ефремова. Биленкин, помимо того, что он хороший писатель-фантаст, был, как известно, геологом по профессии. Так вот, рассказал он удивительную вещь... 1944 год. И. А. Ефремов

откомандирован с экспедицией в Якутию на поиски новых месторождений золота. Была война, и золото нужно было позарез! У него под командованием состояло несколько уголовников. Экспедиция вышла на очень богатое месторождение, они взяли столько, сколько смогли взять, и отправились обратно, причем Иван Антонович не спускал руки с кобуры маузера. Как только добрались до Транссибирской магистрали, на первой же станции связались с компетентными органами. Был прислан вагон, и уже под охраной экспедицию повезли в Москву. По прибытии с уголовниками сразу расплатились или посадили их обратно, вот уж не знаю. А Ивана Антоновича сопровождали не то в институт, от которого собиралась экспедиция, не то в министерство геологии. Там прямо в кабинете у начальства он сдал папку с кроками и все золото. При нем и папку и золото начальство запихало в сейф, поблагодарило и предложило отдыхать.

На следующий день за Ефремовым приезжает машина из компетентных органов и везет его обратно, в тот самый кабинет. Оказывается, за ночь сейф был вскрыт, золото и кроки исчезли...

И вот Дмитрий Александрович Биленкин предположил, что не исключено: обыск как-то связан с тем происшествием. Ну, мы накинулись на него, стали разносить версию в пух и прах: мол, это ничего не объясняет, да и зачем нужно было ждать с 1944 по 1972 год! Но он был очень хладнокровным человеком, холил свою бороду, усмехался и курил замечательный табак, трубку..."

А. Н. Стругацкий (продолжение): "Все терялись в догадках о причинах обыска. Почему он был *ПОСЛЕ*

смерти писателя? Если Иван Антонович в чем-то провинился перед государством, почему никаких обвинений ему при жизни никто не предъявил? Если речь идет о каких-то крамольных рукописях, то это чушь! Он был чрезвычайно лояльным человеком и хотя ругательски ругался по поводу разных глупостей, которые совершало правительство, но, что называется, глобальных обобщений не делал. И потом — даже если надо было найти одну рукопись, ну две, ну три, то зачем устраивать такой тарарам с рентгеном и металлоискателем?!

Вот сочетав все, я, конечно, как писатель-фантаст, построил версию, которая и объясняла все! Дело в том, что как раз в те времена, конце 60-х и начале 70-х годов, по крайней мере в двух организациях США — Си-Ай-Си и Армии были созданы учреждения, которые серьезно занимались разработками по летающим тарелкам, по возможностям проникновения на Землю инопланетян. У наших могла появиться аналогичная идея. И тогда же у фэнов, то есть любителей фантастики, родилась и укрепилась прямо идея-фикс какая-то: мол, ведущие писатели-фантасты являются агентами внеземных цивилизаций. Мы с Борисом Натановичем получили не одно письмо на эту тему. Нам предлагалась помощь, раз уж мы застряли в этом времени на Земле, приносились извинения, что современная технология не так развита, чтобы отремонтировать наш корабль. И в том же духе.

Иван Антонович Ефремов безусловно был ведущим писателем-фантастом. Можно себе представить, что вновь созданный отдел компетентных органов возглавил чрезвычайно романтически настроенный офицер, который поверил в абсурд "фантасты суть агенты". И за Ефремовым стали наблюдать. Но одно дело — просто

следить, а другое дело — нагрянуть с обыском и не дай бог попытаться взять его самого: а вдруг он шарахнет чем-нибудь таким инопланетным!

Именно поэтому как только до сотрудников этого отдела дошла весть о кончине Ивана Антоновича, они поспешили посмотреть. А что смотреть? Я ставлю себя па место гипотетического романтического офицера и рассуждаю здраво: если Ефремов — агент внеземной цивилизации, то должно быть какое-то средство связи. Но как выглядит средство связи у цивилизации, обогнавшей нас лет на триста-четырееста, да еще и хорошенько замаскировавшей это средство?! Поэтому брали первое, что попало. Потом, удовлетворенные тем, что взятое не есть искомое, все вернули".

Ю. Медведев: "Много лет меня волновала загадка смерти, точнее, омерзительных событий, воследовавших вскоре после кончины одного всемирно известного ученого и писателя прошлого века, путешественника, историка, философа, провидца. А события такие: в дом покойника нагрянула по ложному доносу орава пытливых граждан с соответствующими удостоверениями, перерыли все вверх дном, рукописи постранично перелистали, книги, письма, личные вещи перетрясли, стены миноискателями просветили, даже урну с прахом покойного... Так вот, всю жизнь меня мучило, кто донос настрочил... какую цель преследовал, хотя насчет цели — ясно: после обыска лет десять имя светлое замалчивалось, даже из кроссвордов его вычеркивали. В средневековье на Руси это называлось "мертвой грамотой"...

...И увидел я тех, кто бред этот выдумал, подтолкнул подлый розыск. Двух увидел, состоящих в

родстве. Один худой, желчный, точь-в-точь инквизитор. Изощренный в подлости, даже звездное небо в окуляре телескопа населявший мордобоем галактических масштабов, ненавистью ко всему, что нетленно, гармонично, красиво, вековечно. Другой грузный, с зобом как у индюка, крикун, доносчик, стравливатель всех со всеми, пьяница, представитель племени вселенских бродяг, борзописец, беллетрист, переводчик. При жизни всемирно прославленного гения оба слыли его учениками, случалось учителю их защищать, а после смерти его ни разу не позвонили вдове. Я увидел подноготную подлости, микромолекулярную схему зависти". (Повесть «Протей». В сб. "Простая тайна". М.: 1988.)

4

Да, когда нет информации, рождаются версии. Разыгрывается фантазия. Фантазия, игра ума, к которой и надо относиться как к игре — занимательной, увлекательной, но игре.

Таисия Иосифовна с великолепной, мягкой, даже какой-то сочувствующей иронией рассказала о версии подмены И. Ефремова. А Петр Константинович Чудинов добавил, усмехнувшись: "Если англичане в Монголии «подложили» нам Ивана Антоновича, то им спасибо надо сказать! Такого ученого подарили, такого писателя!"

Аркадий Натанович, излагая вариант Д. Биленкина и свой, предстал вдохновенным рассказчиком, какими читатели и знают А. и Б. Стругацких по их книгам. Впрочем, тем же читателям при всей убедительности повестей братьев не придет в голову всерьез изыскивать среди окружающих таинственных «странников», "люденов" и прочие плоды писательского воображения. Фантастика на то и фантастика. Аркадий Натанович и подчеркнул в беседе: "как писатель-фантаст".

Сложнее обстоит дело с версией из повести «Протей». Шаржи — шаржами, они могут быть добрыми и злыми, лишь бы узнавался «оригинал». Но когда шаржированный «оригинал» обвинен в предательстве учителя, то...

А. и Б. Стругацкие написали письмо в Советы по фантастике СССР и РСФСР, всем любителям фантастики, а также во Всесоюзное творческое объединение молодых писателей фантастов (ВТО МПФ), под эгидой которого

была напечатана повесть Ю. Медведева. Письмо резкое, даже яростное. С призывом дать оценку "клеветническому пасквилю тиражом 75000 экземпляров".

Стоило ли братьям реагировать именно так? Это, в конце концов, вопрос темперамента... Я спросил у Аркадия Натановича, согласен ли он, что отрывок из повести «Протей» — это провокация, на которую они поддались?

— Видимо, да. Измышления Ю. Медведева — попытка нам отомстить. Тот, кто читал наши с братом выступления о том, что сделал этот человек с советской фантастикой, (с наследием Ефремова, кстати говоря), тот поймет: Юрий Михайлович нежных чувств к нам питать не мог... Мы с Борисом Натановичем очень близки. И нельзя ставить вопрос о каком-то несогласии моем с письмом. Ну вот, это было бы как правая половинка мозга не согласится с тем, что решает левая половинка мозга. Да и нельзя оставлять без внимания подобный плевков в лицо. То есть интеллигент может, конечно, позволить себе не заметить плевка, "быть выше этого". Но все равно потом ведь придется отвернуться и вытираться. И в нашем письме мне очень нравится вторая его часть — о том, что пришла пора действительно выяснить причины и обстоятельства странных событий вокруг имени Ивана Антоновича Ефремова. Существование доноса и личность автора его — в том числе...

5

Ришат Рахманович Хабибулин давно на пенсии. С 1973 года. Тот самый, что вел обыск и глотал валидол. Беседуем:

— Ришат Рахманович, вы до определенного момента занимались этим делом. Можете вы сказать, был ли обыск в квартире Ефремова следствием какого-либо доноса?

— Что (очень озадаченно)? Никакого доноса не было. Нет. Совершенно точно, никакого доноса.

— Насколько я знаю, КГБ слишком серьезная организация, которая должна иметь более веские основания, чем "письма граждан", для столь решительных действий. Не так ли?

— Да никакого доноса там не было! Это что, ваши писатели придумали? Санкцию на обыск дал заместитель Генерального прокурора. Маляров, как я помню.

— Судя по тому, что рассказывала мне вдова Ивана Антоновича, сотрудники Комитета госбезопасности непосредственно к Ефремову претензий не имели?

— Какие претензии могут быть... это... к человеку, который скончался?! В том же году, в каком это дело возникло, в том же году и было прекращено. Никакое дело не может продолжаться, если человека нет в живых. Существует положение, по которому за смертью дело прекращается.

— Так что же? Обыск мог быть вызван не в связи непосредственно с хозяином квартиры?

— Я вам точно не могу сказать, я говорю вам в принципе. Может быть, даже совсем другой человек где-то арестован, и он дал показания, что какие-то материалы или документы преступного характера находятся на квартире Ефремова. Это уже основание для обыска, хотя может потом оказаться, что этот арестованный просто наговорил, время тянул или скомпрометировать хотел... Вообще, если вопрос так подробно вас интересует, нужно письменно обратиться к руководству.

— Я так и сделал. Но уже сейчас вы ответили на важный вопрос: был ли донос.

— Да нет же! Не было.

— Ни анонимного, ни подписанного, где против Ефремова выдвигались бы обвинения такого характера, что могли привлечь внимание КГБ?

— Никакого!

...Я спросил у Таисии Иосифовны, насколько убедительной ей показалась версия Ю. Медведева об авторстве предполагаемого доноса.

— Насколько я знаю Аркадия Натановича, — ответила она, — он никогда не мог бы что-то подобное написать. Нет, нет, нет! Никогда. Это надо Юрия Михайловича спросить, Медведева...

6

Юрий Михайлович Медведев, заведующий отделом прозы журнала «Москва», был только-только с самолета:

— Я прилетел из Монголии сегодня ночью. Как раз договаривался о том, чтобы поставить памятник Ивану Антоновичу Ефремову в пустыне Гоби... Скажу априори, что ваш покорный слуга за всю свою жизнь никогда, ни разу ни в какие инстанции вообще писем не писал, выполняя один из заветов Ивана Антоновича. — Он достал общую тетрадку, упоминаемую в самом начале: "МЕРА или ВЕРА", от Жучкова Ю. В. из Долинска Сахалинской области. — Как текстовик, как человек, занимающийся иррациональной частью русского народного сознания — и в фантастике — я глубоко убежден, что столь изощренный текст не мог сделать один человек, находящийся на самой окраине нашего Отечества. Это работа мощного коллектива. Этот донос я показываю вам первому в своей жизни.

— Это скорее не донос, а из серии писем граждан того периода, когда "гневно клеймили", толком не зная, за что.

— Вы правы в сугубо буквенном смысле. Но вот в прошлом веке понятие доноса было несколько иным — это была бумага по службе. Например, как бы мы ни относились к подлейшему Фаддею Булгарину, но в его деятельности была черта, которая для нас сейчас даже неожиданна. Весь Петербург знал, что он пишет донос и через семь дней отнесет его Дубельту или Бенкендорфу. Это было обозрение нравов, одновременно являвшееся

дурно пахнущим политическим очернительством. Между тем, заметьте, Пушкин руку ему до конца жизни протягивал, вместе с ним на обедах бывал, Грибоедов завещал ему "Горе от ума". Он был редактором одного из самых распространенных журналов.

— Мы отвлеклись. Формы доноса действительно различны. Братья Стругацкие назвали вас пасквилянтом в связи со страницами повести «Протей»...

— Для меня поднятый шум был полной неожиданностью, и сейчас даже я не уловил его смысла до самого конца. Мог ли я предполагать, что вольное сочинение, повесть фантастическая может стать предметом того, чтобы назвать меня... как угодно. Я решительно отвергаю подобные домыслы. Я оставляю право художника на чистый вымысел. Я даже удивлен, что отрывок из «Протея» вызвал у братьев такую бурную реакцию.

— Вы говорите о чистом вымысле, но все довольно прозрачно: слывшие учениками прославленного гения двое, состоящие в родстве, переводчик и астроном.

— А кого вы считаете из них переводчиком? Аркадия Натановича? А что он переводит? Впервые слышу, что он переводчик. Он никогда себя так не называл...

("Стругацкий Аркадий Натанович... По специальности переводчик-референт японского языка". Библиотека современной фантастики в 15 томах, т. 7. Изд. "Молодая гвардия". М.: 1966).

...А разве я кого-то из них назвал астрономом? Ах, вы об "окуляре телескопа"? Скажите, вам приходилось смотреть в окуляр телескопа? А мне приходилось много

раз. Вы не заметили, что фраза в глядке телескопа написана, если угодно, не совсем даже по канонам русского языка? У меня есть причина, по которой я сделал именно так, а не иначе... Братья Стругацкие называли меня разрушителем советской фантастики, но заметьте: за минувшие годы, имея возможностей не меньше, чем у братьев, я ни разу не ответил. Почему, вы спросите? Потому что я выполняю один из заветов Ивана Антоновича... Есть охотники выводить друг друга на страницах — так было всегда в русской литературе. Я не из их числа, но не в первый раз попадаю в такую ситуацию. Если вы помните, был у меня такой рассказец — "Чертова дюжина Оскаров". Там главный герой был некто режиссер Барковский. Рассказу, опубликованному в 1972 году, предшествовало такое предисловьице: "Светлой памяти режиссера Михаила Барковского, без вести пропавшего в Париже в 197... году". Знаете, первому секретарю ЦК ВЛКСМ тогда звонил Андрей Тарковский и, ссылаясь на рассказ, где есть слова, что он там бросает Россию, бежит и на каких-то размалеванных женится, упрекал меня в том, что я его светлому образу подмочил репутацию. Хотя я сказал тогда Тяжелникову и директору издательства, что это чистый вымысел от начала до конца...

— Вы называете Ивана Антоновича своим учителем. Выполняете его заветы. Как вы реагировали тогда, в 1972 году, на события, последовавшие после его кончины?

— Когда случилось это действие, этот обыск, я стал "зарывать в землю" свои беседы с Иваном Антоновичем, записанные на магнитофон, а также некоторые документы, связанные с нашей перепиской. Поскольку, честно говоря, боялся обыска. Даже рукопись "Часа

Быка" с правками Ивана Антоновича «зарыл» на шестнадцать лет. Я, конечно, просил коллег как-то подняться на учиненное бесчиние — люди по-разному реагировали. Я считаю, что каждый имеет право на любую форму поведения в любой ситуации — можно испугаться. Я, сознаюсь, испугался. Повторяю, даже прятал в другом городе свои записи бесед с Ефремовым. И кое-что, скажу правду, уничтожил и не все еще достал. Я был за то, чтобы биться за учителя, за его дело и бессмертие до самого конца...

— Вы считаете, что помянутый отрывок из «Протейя» помогает в битве за учителя, за его дело и бессмертие до самого конца?

— Давайте дадим шанс нашему несчастному жанру поиграть вольными силами, давайте попрочитываем наши сочинения по заглавным буквам, давайте посмотрим, какие хитрости и загадки преподносит настоящий автор-профессионал в своем сочинении. Если мы писатели-фантасты, представители иррационального, самого красивого начала, если мы представители звездного шаманизма или магического реализма или волшебного реализма — так дайте нам возможность быть не теми, кто посылает злобные доносы друг на друга, а людьми, которые играют вольно силушками. От переизбытка силушки я это все и написал, от переизбытка силушки... И повторяю еще раз: в отличие от тех же братьев Стругацких, моих коллег по жанру, я никогда ни строки ни в какие инстанции не писал и никогда не напишу. Я выполняю один завет Ивана Антоновича Ефремова...

...До конца текущего столетия, тысячелетия загадка смерти и событий после смерти Ивана Антоновича и

поведения его врагов и друзей будет разгадана почти до самого конца. Это я предсказываю вам как фантаст. Даже без обращения к бывшим сильным мира сего она будет решена, ибо, как вы знаете, любая загадка имеет обыкновение укладываться в первопричину свою. Я тоже знаю еще много интересного, что связано с высшими формами противостояния, но это не предмет нашей беседы, поскольку я с вами впервые познакомился. И, следуя завету Ивана Антоновича, я старался быть предельно искренним.

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ДИРЕКТОРУ ВТО МПФ
(Всесоюзного творческого объединения молодых
писателей-фантастов) В. И. Пищенко.**

Как и другие члены КЛФ страны, мы имели неоднократно возможность слышать Ваши пространные уверения в том, что Вы лично — принципиальный противник раскола советской фантастики. Более того. Вы неоднократно утверждали, что ВТО МПФ при издательстве "Молодая гвардия" отказывается от использования издательских площадей для внелитературной борьбы и сведения счетов.

Однако публикация в сборнике ВТО МПФ "Простая тайна" повести Ю. Медведева «Протей» свидетельствует об обратном. Эта повесть — явление беспрецедентное в советской НФ. Аморальность данного сочинения, вызывающе, цинично оскорбляющего А. и Б. Стругацких, настолько очевидна, что не нуждается в комментариях. Примечательно, что это не первый случай, когда Медведев прибегает к нечистоплотным приемам. У любителей фантастики на памяти рассказ этого автора "Чертова дюжина Оскаров" — отвратительный пасквиль на А. А. Тарковского. Подобная «литературная» деятельность Ю. Медведева прямо вытекает из его идейной позиции, ставшей широко известной в начале 70-х годов. В то время Медведев, назначенный заведующим отделом фантастики издательства "Молодая гвардия", начал разгром советской

научно-фантастической литературы и травлю ее лучших представителей.

От имени многочисленных любителей фантастики мы спрашиваем Вас: как совместить Ваши призывы ко всем авторам и КЛФ "жить дружно" и печатание повести Ю. Медведева?

Всесоюзный совет клубов любителей фантастики.

8

Я не считаю, что загадка смерти и событий после нее вокруг имени И. Ефремова требует для разгадки времени "до конца текущего столетия, тысячелетия". Картина жизни и смерти выдающегося мыслителя вполне прояснилась. Есть туманность и есть туманность.

"Туманность Андромеды", как и все книги Ивана Антоновича, по-прежнему будет увлекать и вдохновлять новые и новые поколения читателей, как увлекла и вдохновила четверть века назад тех же братьев Стругацких.

Туманность недомолвок, многозначительных намеков, сплетен — густая туманность времен застоя-болота рассеивается, стоит только дать больше света. Света, воздуха, голоса. Что нам всем сегодня и дано.

20 марта 1989 года я пришел по адресу:

Москва, Кузнецкий мост, 24. Приемная КГБ.

Человек, сидящий за столом, принял от меня бумаги с официальными запросами и сказал: "Ждите. Мы вам ответим письменно".

Жду.

Ждем.

ПОСТСКРИПТУМ

И действительно ответили письменно! И в срок!

"Комитет Государственной Безопасности СССР.
Управление по городу Москве и Московской
области. Следственный отдел.

25.04.89. № 8/605. г. Москва...

На Ваше письмо в КГБ СССР от 9 марта 1989 года сообщаем, что действительно в ноябре 1972 года Управлением КГБ СССР по городу Москве и Московской области с санкции Первого заместителя Генерального Прокурора СССР был произведен обыск в квартире писателя Ефремова Ивана Антоновича, а также некоторые другие следственные действия в связи с возникшим подозрением о возможности его насильственной смерти. В результате проведения указанных действий подозрения не подтвердились.

Одновременно разъясняем Вам, что в соответствии со статьями 371 и 375 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР следственные материалы могут быть истребованы только органами прокуратуры и суда.

Начальник Следственного отдела Управления
Ю. С. Яковлев".

ПОСТПОСТСКРИПТУМ

Я зачитал пришедший ответ вдове И. А. Ефремова по телефону. Таисия Иосифовна вздохнула:

— О господи! Это уже чересчур! Это какой-то черный юмор... Они забыли, что Иван Антонович — сердечник. Они забыли, что существует история его болезни. Они забыли, что... — и в голосе задрожала слеза обиды...

ПОСТПОСТПОСТСКРИПТУ

М

Спасибо за разъяснения о статьях 371 и 375 УПК РСФСР! Уточняю только: копия протокола обыска, хранящаяся у Т. И. Ефремовой, не является "следственными материалами". Между "изъятием идеологически вредной литературы" и "возникшим подозрением о возможности насильственной смерти" — дистанция огромного размера. Через месяц после кончины человека искать подтверждение подозрения о его насильственной смерти посредством рентгена, металлоискателя, изъятия всего, перечисленного выше — это и впрямь "черный юмор".

Понимаю, что честь мундира дорога. Понимаю, что работники компетентных органов, судя по ответу «Неве», попали в безвыходное положение: есть официальный запрос, и надо на него как-то отвечать, не повредив «мундир». Вот и ответили «как-то»... А что до оскорбления памяти ушедшего и чувств ныне живущих, то у них, конечно, есть честь, но вот мундира нет. А свой мундир всегда ближе к телу. И как еще прикажете отвечать, если положение безвыходное?!

Безвыходное — это такое положение, ясный и очевидный выход из которого почему-то не устраивает...

И последнее. В статье 371 УПК РСФСР перечислены должностные лица, могущие приносить протесты в порядке судебного надзора. Статья 375 УПК РСФСР это —

"Истребование уголовного дела". В Комментарий к УПК РСФСР сказано:

"Поводами для истребования дела для проверки в порядке надзора являются:

...б) ходатайства и сообщения других лиц и организаций;...г) материалы печати, радио и т. д." (Комментарий к УПК РСФСР. "Юридическая литература", М.: 1976, с. 544).

Вот интересно, кто из должностных лиц, перечисленных в статье 371, истребует следственные материалы на основании хотя бы пункта «г» Комментария к статье 375?..

Жду.

Ждем...